

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44
Х68

Kat Howard
AN UNKINDNESS OF MAGICIANS

Published by arrangement with Saga Press,
an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced
or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including
photocopying, recording or by any information storage and retrieval system,
without permission in writing from the Publisher.

Перевод с английского *Татьяны Черезовой*

Дизайн обложки *Василия Половцева*

Ховард, Кэт.

Х68 Бессердечие магов: [роман] / Кэт Ховард; пер. с англ.
Т. Черезовой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
352 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-112782-4

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом, человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

Russian language copyright © 2019
by AST Publishers

Original English language edi-
tion copyright © 2017 by Kathleen
Howard

© Т. Черезова, перевод на русский
язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112782-4

*Моим родителям,
которые помогли мне удержать душу в теле,
пока создавалась эта книга*

От мощных этих чар я отрекаюсь.

Уильям Шекспир, «Буря»
(перевод Т.Л. Шепкиной-Куперник)

ГЛАВА 1

Молодая женщина рассекала толпу на нью-йоркском тротуаре, словно нож. Высокая, благодаря шпилькам на красной подошве, в черной одежде, окутавшей ее, словно дым, черные волосы с красными кончиками резкими углами очерчивали ее лицо. Она вроде бы была из тех женщин, ради которых люди останавливаются, чтобы поглазеть — кого замечают.

Никто ее не замечал.

Шагая по Уолл-стрит в сторону возвышающейся впереди церкви Троицы, она скользила среди служащих и туристов, словно невидимая, не привлекая взглядов, не вызывая окликов «эй, детка!»... На нее даже случайно не натыкались в толпе. Она могла быть призраком. Тенью.

Неистовое солнце, жестко-синее небо — безоблачное, только вспыхивающее кое-где отражениями. Жара уходящего лета плавил соленый пот и густой одеколон, смешивая их с гулом лотков на тротуаре. Ясный день, почти обычный.

Женщина остановилась на углу улицы. Ее темно-серые глаза быстро скользнули по неприметному окну одного из небоскребов, словно желая убедиться, что там есть наблюдатель. Уголки ее губ, алых, как кровь,

КЭТ ХОФАРД

чуть приподнялись — и Сидни шагнула с бордюра на проезжую часть.

Казалось, ни машины, ни их водители не замечают ее присутствия.

Сидни вышла в центр перекрестка и вскинула руки, словно дирижер перед началом симфонии. Она стояла неподвижно на протяжении одного вдоха. Двух. Трех. Если бы в этом стремительном городе были глаза, способные ее видеть, они разглядели бы шевеление губ.

А потом...

Машины вокруг нее, все как одна, легко поднялись в воздух.

Сидни держала их там — проржавевшие такси и блестящие черные седаны с затемненными окнами, фургончики магазинов и экскурсионные автобусы, надрывающиеся первыми аккордами очередного хита с Бродвея. В трех метрах над землей они плыли над перекрестком, словно странная стая перелетных птиц. По ее лицу расплывалась улыбка, яркая и иступленная. Если бы люди в машинах могли эту улыбку увидеть, то назвали бы ее торжеством. Назвали бы восторгом.

Люди в машинах ее не видели. Ни гудков, ни проклятий от водителей. Никакого потрясения — никакой реакции — ни от людей в полетевших машинах, ни от прохожих. Просто полет — там, где ему не было места.

Сидни переправляла машины через перекресток — по воздуху — словами, лаконичными точными жестами, которые складывали ее пальцы и ладони в строгое оригами, и делала это без видимых усилий.

А потом...

БЕССЕРДЕЧИЕ МАГОФ

Ее руки замерли. Остановились на один вздох. Два. Три. Она опустила руки вниз — и машины моментально вернулись на улицу с такой же легкостью, с какой ее покинули. Поток уличного движения не прервался. Сидни ушла с перекрестка и снова влилась в толпу. Никто на нее не оборачивался. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

Она еще не прошла и квартала, когда ее мобильник, завибрировав, получил текстовое сообщение: «Место ваше».

* * *

Сообщение, с которого все началось, приходило по-разному. Электронной почтой. Текстом. Отпечатанной черным по белому официальной бумагой. Написанными от руки ализариновыми чернилами письмами в конвертах с сургучной печатью. Но независимо от носителя слова в каждом случае были одними и теми же:

«Колесо Фортуны начало свое вращение. Когда оно остановится, все обновится».

Если же получатель не был магом, членом Невидимого Мира, и каким-то образом ухитрился заполучить одно из этих посланий, оно выглядело бы пустяком. Бумажкой из печенья с предсказанием, глюком электронной почты. Неинтересным и не стоящим внимания.

Миранда Просперо была магом и прекрасно понимала, что именно попало к ней на стол. Сюрприз — и отнюдь не приятный.

Миранде, серьезной и элегантной женщине лет под шестьдесят, досталось одно из тех лиц, черты ко-

КЭТ ХОФАРД

того кажутся слишком резкими, чтобы быть красивыми, пока годы их не сгладят. Теперь она носила одежду и макияж, словно доспехи — такой же щит и маску, как и те, которые могла наколдовать. Они поддерживали ее тщательно выверенный образ.

Холодный утренний свет заливал стены кабинета, где она сидела за старинным изящным письменным столом из палисандра. Она прикоснулась к бумаге кончиками пальцев. Полоснув воздух над письмом крест-накрест, она произнесла слова, отзвук которых оказался резким и пронзительным. Послание выглядело подлинным, в нем была заключена магия — магия, которая должна быть неприкосновенной и тщательно защищенной от любого влияния и которая не позволила бы такому посланию уйти по ошибке. Обычно между такими посланиями проходило не меньше двадцати лет. Однако на этот раз — всего тринадцать, едва ли половина жизни одного поколения.

Ну что ж. Тринадцать лет, пять месяцев, одна неделя и четыре дня. Миранда хорошо знала обстоятельства предыдущего Поворота. Они во многом ее сформировали.

Вспышка света — и над бумагой воспарил символ: *Rota Fortunae*. Слепая Фортуна, вращающая колесо.

Значит, написанное — правда.

Миранду охватил страх, его крошечные колючие зубцы жадно впились в ее сердце. Существовали причины, по которым Поворот мог снова начаться так скоро. И среди них не было радостных.

Миранда была готова. Она готовилась все дни этих последних тринадцати с чем-то лет, но надеялась на большой промежуток времени. Она сделала все возможное для того, чтобы Просперо был сильным До-

БЕССЕРДЕЧИЕ МАГОВ

мом. С хорошей позицией. Достаточно устоявшийся и влиятельный Дом, чтобы она без труда нашла того, кто захочет его представлять.

Она прижала пальцы к вискам, а потом положила руки на столешницу. Теперь она знает, что подразумевает Поворот, правила и ставки — она через все это уже проходила, — однако в деталях таится дьявол, и уж здесь-то тем более. И потому она читала:

«Любой Дом может заключить контракт на участие с кем-либо. Любой такой защитник по контракту будет считаться членом Дома со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями на все время действия данного контракта. После заключения контракта защитник не может быть заменен. Дом, который не заключил стороннего контракта на участие, принимает все без исключения последствия для своих членов, включая смерть и исчезновение, и отказывается от мщения вне рамок дозволенных вызовов. Действия защитника, согласно контракту или без него, в ходе дуэли являются окончательными.

Дом, который вследствие действий любого члена, по Крови или по Контракту, привлекает к Невидимому Миру внимание простаков, будет уничтожен. Любой Дом, отказавшийся от участия, будет уничтожен. Злокозненное вмешательство в начавшийся поединок может привести к лишению мага магии или уничтожению вмешавшегося Дома».

Миранда скривилась. Все это будет принято настолько же всерьез, как и всегда: первое крупное на-

КЭТ ХОФАРД

рушение одного из правил будет совершено еще до окончания первой недели, если не до окончания первой же дуэли, а потом кто-то в первый раз отмахнется от этого нарушения, моментально сославшись на нечто вроде «Но колесо Фортуны и правда вращается». Невидимый Мир любит правила — но только покуда они ему удобны.

«Любой Дом, чей защитник по Крови или по Контракту умрет во время дуэли, освобождается от очередной жертвы, причитающейся Дому Теней.

Дом, занимающий первую позицию к моменту окончания Поворота, встанет во главе Невидимого Мира».

А вот эти последние несколько пунктов будут соблюдаться вне зависимости от их удобства. Потому что за всей этой помпой и блеском именно эти немногочисленные пункты и были смыслом Поворота.

Все как ожидалось. Все условия обычны. Никаких сюрпризов. Они появятся в ходе самого Поворота. Так всегда бывает.

Миранда снова сложила письмо — точно по прежним линиям сгиба — и отложила в сторону. Дом Проспекро не нарушит традиции и заключит контракт с защитником. Всегда находятся те, кто готов обменять опасности, связанные с Поворотом, на достаточно большую денежную сумму или обещание членства в Доме. Она достала файлы — данные, которые вела на способных младших сыновей и дочерей, на талантливых кузенов, не имеющих надежды получить Дом в наследство. Запрятав подальше холодный ком страха, угнездившийся в груди, она взялась за составление планов.

БЕССЕРДЕЧИЕ МАГОВ

* * *

— Твоя матушка, — сказал Лоран, — обгадит свой туалет от Шанель, когда узнает, что ты задумал.

— Если ты о Миранде, то я больше ей не сын, так что сомневаюсь, что она станет что-то делать — может, только предупредит нанятого защитника, что я — очередное препятствие, которое следует устранить в ее гонке за властью. — Грей налил им обоим виски с густым ароматом дыма и торфа и вернул бутылку на барную тележку. — Будем здоровы.

Они сидели за длинным стильным столом у Лорана в квартире. Стекло, металл, гранит и светлое дерево — достаточно высоко, чтобы огни и шум Нью-Йорка были кадрами немого кинофильма где-то внизу. Лорану особенно хорошо давалась магия, связанная с удачей и вероятностями, и, объединив ее с умениями обычного мира, он превратил это в очень удачный портфель инвестиций.

— Думаешь? — усомнился Лоран. — Даже когда узнает, что ты сам за себя выступаешь? То есть — в какой-то момент дуэли идут на смерть. Я знаю, вы не разговариваете, но ты и правда считаешь, что риск твоей смерти ее не будет волновать?

Пять лет назад Лоран купил своим родителям домик на северо-западном берегу Тихого океана, в паре часов к северу от Сиэтла. «Лес и вода, вот чего я хочу», — всегда говорил его отец. Мама добавляла, что ей хотелось бы еще и внуков, которых можно будет баловать: «И, конечно, тут достаточно места, чтобы ты приезжал к нам в гости». Он сказал им, что начнет с леса и воды — и тот день, когда он вложил им в руки ключи, стал для него одним из самых счастливых.

КЭТ ХОФАРД

Жизнь на противоположных сторонах континента и дела не позволяли ему видеться с родителями чаще одного-двух раз в год, но они друг друга любили. Он не мог себе представить, чтобы мать или отец хладнокровно сказали кому-то, что он просто препятствие.

— Если она опустится до того, чтобы вообще со мной об этом говорить, то просто напомним, что... — тут голос Грея изменился, став пародией интонаций и голоса Миранды, — ...у меня было превосходное и гарантированное место в качестве наследника Дома Просперо, и то, что теперь у меня его нет — это результат исключительно моей собственной глупости. Я обещал, что приму последствия моих поступков — а это не что иное, как все те же результаты.

Он ухмыльнулся и сделал еще глоток.

Лоран рассмеялся.

— Твоя матушка — это нечто.

— Поверь, — отозвался Грей, — уж я-то знаю.

Она лишила его наследства три года назад. Эта процедура была бескровной — росчерки перьев на бумагах, пересылаемых из кабинета в кабинет.

Разрыв начался из-за магии. Грею нравилось раздвигать границы, искать доступ к силе в таких местах, куда Миранда не заглядывала, ибо втайне была консерватором. Она решила, что он зашел слишком далеко — и потому забрала у него все.

С тех пор они не разговаривали.

— О, раз уж мы заговорили о твоей родне... — сказал Лоран.

— А без этого нельзя?

Грей отодвинулся вместе с креслом.

БЕССЕРДЕЧИЕ МАГОФ

— Я тут на днях столкнулся в центре с твоей кузиной Мэдисон. Хорошо выглядела. Мы вместе выпили кофе.

— О, настолько хорошо выглядела? — осклабился Грей.

— Не все и не всегда сводится к траху, бабник.

Лоран покачал головой с наигранным неодобрением.

— Ага, но как правило сводится. Ну и как она? Не видел ее после того, как она закончила учебу.

— Говорит, что недавно стала партнером в крупной адвокатской конторе... Кажется, «Веллингтон и Кетчем».

— Хорошая контора. Дом Просперо пользуется ее услугами. На самом деле, наверное, потому она там и оказалась. Почти у всех Домов есть свои люди, чтобы блюсти их интересы в обычном мире. И лучше, если это родня. Они понимают, насколько важна магия, и не жалуется на секретность.

Говорить о таком было не принято — но такое случилось. Время от времени появлялись члены Домов, оказавшиеся недостаточно сильными магами, чтобы сохранить членство в Невидимом Мире, или решавшие отречься от магии. Их изгоняли — но не слишком далеко. Пусть Невидимый Мир и хранил тайны от мира обычного, однако сознавал, что все равно остается его частью, — и кому-то нужно было вести там дела.

— Она спросила насчет Поворота и, похоже, не удивилась, что ты участвуешь, — сказал Лоран.

— Не подумал бы, что ей такое может быть интересно. — Грей равнодушно пожал плечами и допил виски. — Ты нашел защитника?

— Кажется, да.